

Шершни 18го Авг. 1880.

Дорогой Федоръ Михайловичъ,

Получила я вчера Вашъ дневникъ Писателя, всѣми нами горячо ожидаемый; усѣлись мы въ кружокъ и я прочла вслухъ эти завѣтные страницы, которыя собираютъ вокругъ одного клича и убѣжденныхъ, и неутвердившихся. Судьба этихъ словъ, ударившихъ прямо и мѣтко въ самое ретивое собравшихся слушателей и потомъ затемнившихся въ представленіи нѣкоторыхъ (можетъ быть число этихъ нѣкоторыхъ и велико) напоминаетъ мнѣ теченіе всѣхъ великихъ истинъ, не сразу усвояемыхъ, хотя и радостно огласившихъ въ первый

// л. 17

моментъ своего проявленія: онѣ кажутся просты и потому хватаются на лету съ сочувствіемъ, но онѣ требовательны въ приложеніи себя къ жизни, и тутъ многіе умы перестаютъ ихъ понимать; засвѣтившаяся точка быстро меркнетъ для ихъ практическаго недоброжелательства и они отскакиваютъ отъ истины, которую не могутъ еще, на своемъ уровнѣ развитія, усвоить себѣ со всѣми ея, вытекающими изъ нея, результатами.

Аксаковъ назвалъ Вашу рѣчь событіемъ и вправду сказалъ, потому что Вы указали начало совмѣстимости всѣмъ враждебнымъ и взаимно-отрицающимъ другъ друга направленіямъ въ Россіи, утѣшивъ и обрадовавъ каждую отрасль мысли,

// л. 17 об.

что она выросла послѣдовательно на почвѣ народной и грѣшила только односторонностью. Открытіе было такъ просто и неожиданно. Вы сорвали маску отчужденія съ противящихся другъ другу родныхъ братьевъ – развернувъ имъ такъ ясно историческую правду, вырвавъ изъ груди ихъ ту сокровенную тайну ихъ бытія, въ которой, по обнаруженіи ея, они должны были признать чувство тождественное, единокровное... Но за примиреніемъ наступаетъ сознательный періодъ покаянія, приходится порвать съ привычкой начинать себя искусственно, возбуждаться à froid и жить особнякомъ. Но развѣ эта перемѣна возможна испорченнымъ натурамъ, безъ сокрушенія

// л. 18

глубокаго, повергающаго ницъ человѣка? Вѣдь эти всѣ отщепенцы, уклонившіеся отъ своихъ задачъ, больше грѣшатъ привычками, чѣмъ мыслью. – Да благословитъ Господь Вашу борьбу, да откроетъ соблазномъ противорѣчій помышленія многихъ сердецъ, да очиститъ отъ всякой горечи и язвительности тѣхъ, которые такъ громко провозглашаютъ свою вѣру, какъ лучшее достояніе земнаго человѣка. Вѣдь этому такъ мало вѣрятъ! Какъ не

ожидать безнравственного сопротивления, съ оружіемъ лжи и высокоумірія. – Я понимаю, что Вамъ, пережившему въ униженіи добровольнаго мученичества всю нить своего развитія, купившаго дорогою цѣною свое примиреніе – больно слышать легкомысленное

// л. 18 об.

2.

учительство хлыща профессора, хотя талантливаго, и тѣмъ болѣе даже что онъ талантливъ и популяренъ. Въ своемъ обращеніи къ Градовскому, Вы мнѣ представляетесь въ видѣ раздраженнаго мудреца народнаго, поймавшаго за ухо самонадѣяннаго молокососа и больно щемащаго его самолюбіе. Что-же? по-дѣломъ, несомнѣнно – заслужилъ нравоученіе своимъ верхоглядствомъ, болѣе чѣмъ протестомъ. Глава о двухъ половинкахъ блестяща, рѣжетъ правдой, какъ научная аксіома – должна была пришибнуть Градовскаго и ему подобныхъ. – Но убѣдить ли она его? Не думаю и ясно вижу, что Вы этого не домогались, не считая это возможнымъ. Можетъ быть Христіанинъ, въ

// л. 19

полномъ смыслѣ слова и только, былъ бы сдержаннѣе въ чувствѣ омерзенія къ самохвалству человѣка, искажающаго правду въ красивыхъ фразахъ – но Вы публицистъ и притомъ повторяю, Вы заслужили право обличать фанфароновъ. – Ваша статья и особенно Ваша придирка къ случаю подыметъ много бурь въ чужихъ стаканахъ – будутъ и наглые глумленія, предчувствую, но за то есть такая живо-трепещущая, логичная правда въ Вашемъ откровеніи, что я жду несомнѣнно и частичнаго озаренія непокорныхъ вѣрѣ Христовой и крѣпчайшаго союза раньше убѣжденныхъ, но робкихъ въ обнаруженіи. –

Гдѣ-то въ Братьяхъ Карамазовыхъ, въ исповѣди Ивана брату Алексѣю,

// л. 19 об.

Вы очень вѣрно замѣтили, что Русскій человѣкъ не любитъ обнаруживать свое чувство, даже ревниво оберегаетъ его отъ другихъ, чтобы не подумали и не подкрались подъ него – такъ и я должна сказать, бываю долго осторожна съ людьми, не по предвзятому намѣренію, а такъ просто, по чутью, и чѣмъ святѣе, чѣмъ глубже у меня убѣжденіе, тѣмъ болѣе боюсь выставить его на показъ, на оцупъ людей. Вотъ я ужасно скрытна, признаюсь Вамъ, въ моей любви ко Христу, я живу ею, я спасаюсь ею, постоянно сносясь съ нею во всѣхъ моихъ помыслахъ и движеніяхъ – я кажется готова была бъ проповѣдывать его своей жизнью, убѣжать къ нему отъ всего самаго дорогаго – но¹

// л. 20

¹ Далее было: говорить

называть Его, открывать непосвященнымъ что Онъ мое благо – я не смѣю, не могу, чуждаюсь съ какой-то растерянностью. И вотъ представьте себѣ, какое на меня произвело впечатлѣніе Ваше простое признаніе передъ публикой, передъ публицистами, о набожности во Христѣ, которая должна быть отличительной чертой русскаго человѣка передъ Европейской цивилизаціей и которой онъ долженъ заимствоваться у крестьянина, оклейменнаго Европеизмомъ за тупоуміе его нравственнаго и религіознаго міросозерцанія. – Я похолодѣла, прочитавъ это, какъ будто отдала на любопытство свое Святое Святыхъ. А что, если не примутъ его, осмѣютъ и возвратятъ мнѣ безъ даннаго

// л. 20 об.

мною содержанія? – Скажите, отчего во мнѣ такая страшная робость, которую я осуждаю, какъ отрекшійся Петръ свое отреченіе, хотя мнѣ кажется, это не отреченіе. Излечите меня отъ этого смущеннаго страха, вѣроятно недостойнаго Спасителя нашего, за насъ пострадавшаго – прошу Васъ, добрый Ѳеодоръ Михайловичъ, и если можете меня укрѣпить своимъ примѣромъ, то вынете самую крупную занозу въ моихъ нравственныхъ страданіяхъ, такъ часто повторяющихся изъ-за Христа, котораго люблю и за котораго не могу въ легкомысленномъ обществѣ ломать копья. Въ поступкахъ я готова стоять за него и даже согласна, чтобы угадали мою тайну

// л. 21

духовную – лишь бы мнѣ самой ее не открывать. Быть можетъ, это немощь и правильнѣе всего такъ, и тогда это самая грѣшная моя слабость – но можетъ быть это оттого, что я очень, очень дорожу своимъ сокровищемъ и мнѣ больно видѣть его униженнымъ, развѣнчаннымъ въ глазахъ другихъ, и потому что я не признаю за собою дара проповѣдывать достойно Христа и боюсь уподобиться всѣмъ этимъ сектантамъ новаго раскола (великосвѣтскаго, какъ его называютъ) которые меня саму смущали своей откровенностью, своей неумѣлостью, безпощадно и остроумно осмѣянной на всѣхъ перекресткахъ. Самолюбіе ли это во мнѣ или что другое – рѣшите пожалуйста и помогите

// л. 21 об.

мнѣ возстановить въ себѣ во всей красѣ достоинство вѣрующей Христіанки. – Моя дружба будетъ принадлежать Вамъ по праву, по родству избранія, если Вы удѣлите мнѣ своего времени и своей души на полное примиреніе мое съ моими идеалами, съ моимъ долгомъ христіанскимъ. Теперь Вы, кажется, понимаете почему я искала Вашего знакомства, почему Вы нужны мнѣ, и я обѣщаю Вамъ искренность о себѣ безъ всякой стыдливости, что умалюсь въ Вашихъ глазахъ. Что мнѣ мнѣніе человѣка, когда я прилѣплюсь вполне ко Христу!

Черезъ 10 дней, то есть 31го мы уѣзжаемъ изъ деревни на всякія хлопоты и заботы въ Петербургъ. Пожелайте мнѣ

// л. 22

Богъ помочь отъ души и обнадежьте скорымъ возвращеніемъ. Впрочемъ я думаю, что одиночество и деревенскій воздухъ Вамъ нужны и необходимы для труда и здоровья. Да благословитъ Васъ Богъ во всемъ дорогомъ!

Преданная Вамъ душевно,

Е. Гейденъ.

Не могу умолчать о пріятномъ, облагораживающемъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ развитія Вашей мысли въ образъ Татьяны – какой чистый, любящій, умный обликъ! сколько назиданія обществу отъ такихъ идеаловъ! какъ онъ свѣтится ясно подъ Вашимъ перомъ, заставляя себя уважать и привлекая красотой!

Спасибо Вамъ отъ имени русской женщины.

// л. 22 об.

<На конверте:>

Его Высокоблагородію

Федору Михайловичу

Достоевскому

Новгородской г.

въ Старую-Русу.

<На штемпеле:>

ПОЧТОВЫЙ ВАГОНЪ

19 АВГ.

1880